

- ⁵ Гоголь Н. Четыре письма к разным лицам по поводу «Мертвых душ» // Гоголь Н. Полн. собр. соч. Т. 8. 1952. С. 293–294.
- ⁶ Цит. по: Вересаев В. Гоголь в жизни: Систематический свод подлинных свидетельств современников: С иллюстрациями на отдельных листах. М.; Л., 1933. С. 36.
- ⁷ Там же. С. 499.
- ⁸ Гоголь Н. Отрывок из письма, писанного автором вскоре после первого представления «Ревизора» к одному литератору // Гоголь Н. Полн. собр. соч. Т. 4. 1951. С. 101.
- ⁹ Гоголь Н. Предупреждение для тех, которые пожелали бы сыграть как следует «Ревизора» // Там же. С. 112.
- ¹⁰ Там же. С. 115.
- ¹¹ Гоголь Н. Отрывок из письма, писанного автором вскоре после первого представления «Ревизора» к одному литератору. С. 102.
- ¹² Белинский В. Горе от ума. Сочинение А.С. Грибоедова. 2-е изд. // Белинский В. Полн. собр. соч.: в 13 т. Т. 3. М., 1953. С. 457.
- ¹³ Вишневская И. Гоголь и его комедии. М., 1976. С. 139.
- ¹⁴ Воропаев В. Над чем смеялся Гоголь // Русская словесность. 1998. № 4. С. 8.
- ¹⁵ Манн Ю. Поэтика Гоголя. М., 1988. С. 213.
- ¹⁶ Гоголь Н. Письмо Петру П. Косяровскому. Нежин, 3 окт. 1827 г. // Гоголь Н. Полн. собр. соч. Т. 10. 1940. С. 111.
- ¹⁷ Вишневская И. Указ. соч. С. 140.
- ¹⁸ Скафтымов А. К вопросу о соотношении теоретического и исторического рассмотрения в истории литературы // Русская литературная критика. Саратов, 1994. С. 142.
- ¹⁹ Прозоров В. Автор // Введение в литературоведение / под ред. Л.В. Чернец. М., 2004. С. 80.
- ²⁰ Корман Б. Целостность литературного произведения и экспериментальный словарь литературоведческих терминов // Проблемы истории критики и поэтики реализма. Куйбышев, 1981. С. 52–53.
- ²¹ Там же. С. 52.
- ²² Там же. С. 53.
- ²³ Гиппиус В. Гоголь // Гиппиус В. Гоголь; Зеньковский В. Н.В. Гоголь / предисл., сост. Л. Аллена. СПб., 1994. С. 37.
- ²⁴ Там же. С. 38.
- ²⁵ Гоголь Н. Четыре письма к разным лицам по поводу «Мертвых душ». С. 292.
- ²⁶ См.: Дрыжакова Е. Рискованная шутка Гоголя на чтениях «Ревизора» // Русская литература. 2001. № 1. С. 190.
- ²⁷ Цит. по: Вересаев В. Указ. соч. С. 154.
- ²⁸ Гоголь Н. Письмо Пушкину А.С., 7 октября 1835 г. С.-Петербург // Гоголь Н. Полн. собр. соч. Т. 10. 1940. С. 375.
- ²⁹ Дружников Ю. С Пушкиным на дружеской ноге // Дружников Ю. Собр. соч.: в 6 т. Балтимор, 1998. Т. 4. С. 104.
- ³⁰ Таумов И. Формы выражения авторского сознания в драматургии Н.В. Гоголя: дис. ... канд. филол. наук. Самара, 2006. С. 8.
- ³¹ О преднамеренных формах авторского присутствия у Гоголя см.: Копенкина У. Осознанные формы авторского присутствия в «Ревизоре» Н.В. Гоголя // Филологические этюды: сб. науч. ст. молодых ученых: в 3 ч. Саратов, 2011. Вып. 14.

УДК 921.161.1.09 + 929 Гоголь

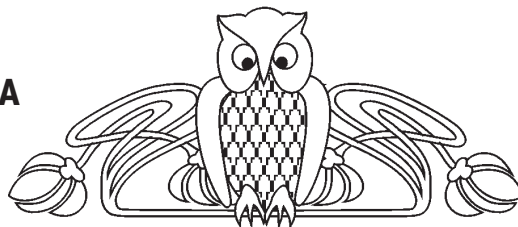
ПОВЕСТЬ Н.В. ГОГОЛЯ «ШИНЕЛЬ» В АНГЛОЯЗЫЧНОМ ВОСПРИЯТИИ: ПРОБЛЕМА ЭКВИВАЛЕНТНОСТИ ПЕРЕВОДА ХУДОЖЕСТВЕННОГО ПРОИЗВЕДЕНИЯ

Е.М. Учаева

Саратовский государственный университет
E-mail: e-and-e@yandex.ru

В статье подвергаются анализу шесть англоязычных версий повести Н.В. Гоголя «Шинель»; особое внимание уделяется лексической, синтаксической и стилистической характеристикам текста, наличию просторечных слов, историзмов, фразеологизмов, игры слов и авторских новообразований; определены подходы как российских, так и англо-американских исследователей к понятию «переводческая эквивалентность», ее сущности и свойствам.

Ключевые слова: художественный перевод, переводческая эквивалентность, сравнительный анализ, русская литература, гоголевская стилистика, индивидуально-авторская манера повествования, национальный колорит, синтаксическая, образная, языковая системы переводов.

N.V. Gogol's Novel «The Overcoat» in the English-language Perception: the Issue of the Literary Work Translation Equivalence

Ye. M. Uchayeva

Six English-language translations of N.V. Gogol's novel «The Overcoat» are analyzed in the article; special emphasis is placed on the lexical, syntactic and stylistics text characteristics, on the presence of the colloquialisms, historical vocabulary, idioms, puns, and author's neologisms; the approaches of both Russian and English-speaking researchers to the concept of «translation equivalence», its essence and qualities are defined.

Key words: literary translation, translation equivalence, comparative analysis, the Russian literature, Gogol's stylistics, author's individual narrative, national flavour; syntactic, image-bearing, language translational systems.

На протяжении долгого исторического периода вопрос о переводе художественного текста вызывал и продолжает вызывать острую полемику среди литературоведов, лингвистов, теоретиков и практиков перевода. Сущность перевода и возможность его причисления к искусству, ремеслу, профессии, многообразию подходов к понятию «художественный перевод» и его классификации, вопрос о сохранении индивидуальности и своеобразия подлинника, переводческой «эквивалентности», влияние личности переводчика на «процесс и итог коммуникации» – лишь некоторые из ключевых вопросов дискуссий.

Вопрос о переводческой эквивалентности, выборе более или менее значимых, доминирующих элементов, затрагивается всеми исследователями без исключения. Эквивалентность содержания оригинала и перевода выступает в качестве основы их коммуникативной равноценности, однако норма эквивалентности перевода не является неизменным параметром. Это условная и относительная величина, находящаяся в прямой зависимости от множества факторов: от стиля произведения, его жанра, формы и содержания, от мастерства переводчика, особенностей сопоставляемых языков и культур, эпохи создания оригинала и перевода, способа перевода. Она означает необходимость возможно большей общности содержания оригинала и перевода, но с учетом языковых, литературных, национально-культурных и общественно-исторических представлений.

Возможен ли эквивалентный перевод, и какие принципы заложены в основу переводческой «эквивалентности»? Чтобы ответить на эти вопросы, обратимся к истории зарождения и становления переводческой школы. Так, исторически переводчики разделились на две группы – сторонники буквального перевода, стремящиеся переводить слово в слово, следующие синтаксическим и лексическим соответствиям, и вольные переводчики, которые утверждают, что невозможно сохранить структуру текста, и, таким образом, перевод превращается в своеобразное творческое изыскание и «состязание». В античный период переводчики придерживались не только духа, но и буквы оригинального произведения. Этот принцип нашел свое выражение в буквалистском переводе, при котором на язык перевода переносились не только смысл оригинала, но и формы, характерные для языка источника. Если в переводах религиозных книг сказывалась тенденция к максимальному буквализму, то другие виды переводов, как устных, так и письменных, часто носили вольный характер, что приводило к множеству серьезных отступлений и ошибок.

Противопоставление буквального и вольного перевода сохранилось и в более позднее время, когда выбор одной из этих переводческих стратегий определялся уже не характером переводимого текста, а общей принципиальной установкой переводчика, его пониманием цели и содержания своей просветительской работы. Различие таких установок особенно отчетливо проявилось в художественном переводе. При этом одни переводчики придерживались мнения, что необходимо адаптировать иноязычное произведение к отечественному менталитету и культуре, другие же были твердо убеждены, что для раскрытия творческой индивидуальности писателя крайне важно сохранить суть, отражающую национальное мышление, духовное богатство литературного произведения. Лишь со второй половины XX столетия, когда переводческая деятельность достигла прежде невиданных масштабов, учеными были выработаны методы и принципы, которым должен был следовать профессиональный переводчик.

Выбор доминирующего начала – использование оригинальной или приемной языковой формы – являлся и до сих пор является одним из самых трудных выборов переводчика. «Переводчик постоянно действует в своего рода стрессовой ситуации: он вынужден сохранять посредническую достоверность, близость к исходному тексту, но в то же время суметь придать этой достоверности художественный характер, иными словами, создать равновеликое подлиннику художественное произведение в условиях переводящего языка и культуры. <...> В процессе перевода взаимодействуют и противостоят два разнонаправленных вида речевой деятельности, восприятие исходного текста и порождение переводного текста»¹. В истории русской и мировой литературы известно немало случаев, когда произведения «одомашнивались», «украшались» или «смягчались», приспособлялись переводчиками к господствующим в тот момент литературным нормам, к собственной манере, перелагались на отечественные нравы². При этом нередко утрачивался поэтический смысл не только на поверхностном, но и на глубинном уровне, изменяя сами внутренние законы мышления автора, делая его более жестко структурированным, логичным, рациональным, либо, наоборот, своевольно усиливая все тончайшие нюансы, превращая их в новое качество, весьма далекое от исходного текста. Баллада Бюргера «Ленора» вошла в русскую литературу как «Людмила» Жуковского. В своеобразных переводах произведений Чарльза Дикенса и Уильяма Мейкписа Теккерея, выполненных Иринархом Введенским, английские реалии были заменены на русские. «Ярмарка тщеславия» Теккерея в интерпретации Введенского первоначально звучала как «Базар житейской суеты». Стиль английского писателя в переводе подвергся искажающим смысл преобразованиям, а повествование, местами нарочито домысленное и сглаженное, было весьма далеко

от подлинника. Если читатели XIX столетия благосклонно принимали переводы Введенского, то уже в XX в. его работы подверглись резкой критике. «Враль» и «невежда» – лишь некоторые из нелюбезных эпитетов, которыми наградили переводчика Корней Чуковский.

Таков и первый анонимный перевод 1879 г. «Алисы в стране чудес», ставший известным русским читателям под названием «Соня в царстве дива», где все английские реалии (кроме крокета) были заменены русскими: вместо Чеширского Кота – сибирская кошка, вместо дронга и фламинго – журавли. Алиса была переименована в Соню, которая читала и пародировала только русские стихи – «Птичку божию», «Квартет», «Светлану», «Близко города Славянска». В переводе «Ревизора», исполненном в США Бернардом Гилбертом Герни, не воспроизведена гоголевская комедийная стилистика, без которой великий русский писатель превратился в унылого и скучнейшего бытописателя.

Наряду с глубоким рассмотрением множества аспектов, связанных с проблемами художественного перевода, ученые уделяют особое внимание вопросу о сущности «переводческого эквивалента». А.В. Федоров, например, вместо «эквивалентности» использовал такое понятие, как «полноценность», под которой подразумевалась «исчерпывающая передача смыслового содержания подлинника». По мнению Н.К. Гарбовского, переводческий эквивалент обладает теми же свойствами, что и художественный образ, и аналогичен ему с гносеологической, онтологической, семиотической и эстетической точек зрения. Объектом отражения в переводе выступает не сама реальная действительность, а ее образ, идеальный конструкт, созданный сознанием автора оригинального произведения³. В.С. Виноградов под «эквивалентностью» понимает наиболее полное и идентичное сохранение в тексте перевода жанрового своеобразия оригинала и всей разнообразной информации, содержащейся в тексте подлинника. Уровень эквивалентности и ее специфика меняются в зависимости от рода и жанра переводного текста. Художественный перевод порождается подлинником, зависит от него, но в то же время обладает относительной самостоятельностью, так как становится фактом переводящего языка. Исследователь приводит причины относительности переводческой эквивалентности, среди которых особо значимы: своеобразие восприятия оригинала переводчиком, разносистемность языков, различия социокультурной среды, индивидуальность переводчика, определяемая его художественным восприятием, талантом, своеобразием отбора языковых средств⁴. По мнению А.Д. Швейцера, «эквивалентность» означает соответствие текста перевода исходному. Полная эквивалентность подразумевает исчерпывающую передачу коммуникативно-функционального инварианта. Речь идет о максимальном приближении текста пере-

вода к оригиналу, о максимальных требованиях, предъявляемых переводу⁵. Основоположник отечественной переводческой школы В.Н. Комиссаров выделяет несколько типов «эквивалентности»: первый тип – при котором сохраняется цель коммуникации, второй – на уровне ситуации, или ситуативная эквивалентность, и третий тип, где сохраняется не только цель коммуникации, но также присутствует указание на ситуацию и способ ее описания⁶.

Многие исследователи, рассуждая о переводческой эквивалентности, пишут о необходимости сохранения национального своеобразия оригинального произведения, жанрово-стилистической и эмоциональной характеристики. Они не обходят стороной синтаксическую и морфологическую структуру текста, наличие диалектизмов, историзмов, фразеологизмов, игру слов и авторских новообразований. Этим и другим важным вопросам посвящены работы А.В. Федорова, К.И. Чуковского, В.С. Виноградова, В.Н. Комиссарова, Е.Г. Эткинда, С.С. Прокопич, А.А. Попович, А.Д. Швейцера, Ю.А. Сорокина и И.Ю. Марковиной, А. Акоповой, Г. Гачечиладзе, В.В. Коптилова, В. Левика и других крупнейших исследователей. Наука о переводе тесно взаимодействует и с другими областями знаний – историей, этнологией речи, географией, философией, психологией, социологией, а также нейрофизиологией, математическим анализом.

Поскольку цель нашей работы – сравнить разные варианты англоязычных переводов знаковой для русской словесной культуры повести «Шинель», степень восприятия гоголевского текста в англо-американском пространстве и определить, какой из переводов является наиболее эквивалентным, мы считаем целесообразным обратиться к истории становления переводческих школ в Англии и США и выяснить подходы английских и американских исследователей к понятию «переводческой эквивалентности».

В Англии переводческая деятельность приобрела особенно широкий размах в XVI и XVII веках. Следует заметить, что дипломатические отношения между Британской империей и Россией, зародившиеся еще во времена царствования Ивана Грозного, немало способствовали усилению интереса к русскому языку и русской культуре, достигшего своего пика во второй половине XIX в., когда с увлечением переводились Н.В. Гоголь, И.С. Тургенев, Ф.М. Достоевский, А.П. Чехов. Д. Драйден и А. Тайтлер первыми предложили структурировать виды переводов и выработали правила, на которые следовало опираться переводчику.

Если прежде ученые стремились выработать виды переводов и принципы, которыми должен был руководствоваться переводчик, то уже во второй половине XX в. пристальное внимание стало уделяться понятию «эквивалентности», которая заняла центральное место в работах таких

исследователей, как Дж. Ферс, М.А.К. Хэллидей, Дж. Кэтфорд, П. Ньюмарк, М. Снелл-Хорнби, и других ученых. Согласно Хэллидею, эквивалентность при переводе может устанавливаться между отдельными компонентами предложения (словами и словосочетаниями), как находящимися, так и не находящимися в отношении формальной эквивалентности. М.А.К Хэллидей рассуждает о таком понятии, как «контекстуальная» эквивалентность, которая после сопоставления языков и их структур приводит к формальной эквивалентности, под ней понимается сходное положение единиц в структурах разных языков⁷.

Кэтворт, развивая идеи Ферса, приходит к выводу, что переводческая эквивалентность не означает ни формального соответствия, ни равенства значений. Мы можем говорить об эквивалентном переводе тогда, когда устанавливается соответствие между различительными признаками (или, по крайней мере, между некоторыми из них) текста на исходном языке и текста на языке перевода⁸. П. Ньюмарк, сформулировавший два общих метода перевода – коммуникативный и семантический, в противоположность своим предшественникам, приходит к умозаключению, что в любом переводе при условии соблюдения эквивалентного эффекта буквальный перевод – это не только самый лучший, но и единственно правильный метод, и что недопустимы ненужные «синонимы», а тем более «парафразы». Переводчик обязан обращать внимание на форму оригинала не потому, что она важна сама по себе, но потому, что форма произведения это и есть содержание⁹.

Хотя первые американские переводы русских писателей относятся еще к концу XIX столетия, переводоведение как наука, подкрепленная теоретическими постулатами, начала складываться в США лишь в середине XX в. и тесно связана с именами Ч.Ф. Веглина, Дж. Касагранде, Ю. Найды, У. Куайна и др. Особую роль в становлении переводческой школы сыграли труды Юджина Найды, отвергнувшего буквальный перевод и обозначившего два типа эквивалентности – формальную и динамическую. Формальная эквивалентность, как ее определяет ученый, «ориентирована на оригинал» и достигается обязательным сохранением части речи при переводе, отсутствием членения или перестановки членов предложения оригинала, сохранением пунктуации, разбивки на абзацы, а также применением принципа конкорданса. Для передачи идиом следует применять метод калькирования, а любые отклонения от оригинала необходимо разъяснять в сносках и комментариях. Динамическая эквивалентность «ориентирована на реакцию читателя» и влечет за собой адаптацию лексики и грамматики, как если бы автор написал это на своем языке¹⁰.

Трактовка переводческой эквивалентности С. Басснетт-Макгайр резко расходится с точкой зрения Ю. Найды. Исследовательница решительно отвергает концепцию динамической эквива-

лентности Ю. Найды и вводит такие понятия, как эквивалентность семантики и эквивалентность социальных функций. Согласно С. Басснетт-Макгайр, эквивалентность – не тождество, а диалектическое отношение между знаками и структурами в текстах и вокруг них. Анализируя принципы художественного перевода, исследовательница предлагает рассматривать каждое предложение как часть целого. Тщательный отбор каждого отдельного слова, проработка синтаксической структуры, художественных образов, постижение общего настроения – эти и другие важнейшие факторы помогут приблизиться к оригиналу и создать достойный эквивалентный перевод¹¹. В статье «Перевод и подобие» С. Росс выдвигает концепцию множественности перевода одного и того же произведения, отсюда проистекает и вывод о том, что перевод отражает понимание переводчиком оригинала, а всякое понимание – это одно из возможных толкований текста на основе внешних факторов. Любой перевод – лишь подобие оригинала, допускающее различные трактовки. Нет совершенного перевода, он может быть великолепным или неудачным по определенным критериям¹².

Наличие богатого жизненного опыта, творческой фантазии и тезауруса облегчает всестороннее осмысление оригинала. Недостаточно в совершенстве владеть другим языком, необходимо умение интерпретировать игру слов, чувство языковой формы, способность проникнуть в национальный колорит текста, воссоздать художественный образ, идею произведения. «Переводчик должен быть столь же талантлив, что и выбранный им автор, – говорил В. Набоков, – либо таланты их должны быть одной природы <...> должен прекрасно знать оба народа, оба языка, все детали авторского стиля и метода, происхождение слов и словообразование, исторические аллюзии <...> Наряду с одаренностью и образованностью он должен обладать способностью к мимикрии, действовать так, словно он и есть истинный автор, воспроизведя его манеру речи и поведения, нравы и мышление с максимальным правдоподобием»¹³.

Искусный переводчик должен уделять особое внимание не только особенностям способа выражения, но и объему и качеству художественной информации. Сверхфразовые единства, монологи, диалоги, описания, авторские отступления, композиционные параллели, сюжетные ходы, аллюзии, порядок слов, интонационная структура должны быть в центре внимания переводчика. Сопоставление текста оригинала и его переводных версий даст нам представление не только о языковых и понятийных картинах мира, но и о том, как реалии, общие понятия соотносятся с другой культурой и индивидуальными концептами, нашедшими отражение в произведениях писателей.

В качестве рассмотрения проблемы эквивалентности художественного перевода мы об-

ратимся к повести «Шинель» и ее англоязычным версиям. Гоголевский сказ, изобилующий всевозможными нюансами, национальный колорит, достигнутый мастерским воспроизведением уклада русской жизни, невероятное переплетение реального и фантастического, сложная, затейливая синтаксическая структура – лишь некоторые из крайне сложных задач, которые предстоит решить переводчикам.

Одной из важнейших проблем перевода художественного текста, в нашем случае повести «Шинель», является сохранение стиля. «Стиль Гоголя характеризуется раньше всего буйными словесными красками, доведенными до такой ослепительной яркости, что радуешься каждой строке, как подарку. И хотя знаешь весь текст наизусть, невозможно привыкнуть к этому неустанному бунту против серой банальности привычной штампованной речи, против ее застывших, безжизненных форм»¹⁴. Не воспроизвести сути неподражаемой гоголевской стилистики – значит не дать иностранным читателям ни малейшего представления о Гоголе. Не передать стиля повести, авторского слога, поскольку они теснейшим образом связаны между собой, – значит лишит произведение его «души», ценности и уникальности. В индивидуально-авторском стиле писателя мы обнаруживаем сплав разных литературных стилей, наличие разговорных и просторечных слов, канцелярской терминологии, иронически окрашенных выражений, богатство устойчивых оборотов, как закрепленных в языке, так и «расщепленных» писателем.

В качестве материала для анализа мы выбрали шесть переводов из девяти официально признанных версий. Наш выбор обуславливается принадлежностью данных переводных версий к разным десятилетиям, охватывающим период с конца XIX по конец XX столетия, а также принадлежностью переводчиков как к английской, так и к американской переводческой школам.

Обратимся к тексту повести и ее переводам и остановимся на одном весьма значительном «коммуникативном эпизоде», в котором удивительным образом переплелись ирония, разговорный язык и неповторимый авторский стиль. Перевод данного фрагмента требует от переводчиков не только великолепного знания русского языка и всех его тончайших нюансов, но и умения адекватно передать авторскую оценку, изящно вплетенную во всеобщее повествование, и ироническую окраску. Следует заметить, что синтаксическая форма имеет особую смысловую значимость в русском тексте, так же как повтор слова «бедные» и уменьшительная форма прилагательного «тощенькой», обладающие стилистической окраской.

«Есть в Петербурге сильный враг всех, получающих четыреста рублей в год жалованья, или около того. Враг этот не кто другой, как наш северный мороз, хотя, впрочем, и говорят, что он очень здоров. В девятом часу утра, именно

в тот час, когда улицы покрываются идущими в департамент, начинает он давать такие сильные и колочие щелчки без разбору по всем носам, что бедные чиновники решительно не знают, куда девать их. В это время, когда даже у занимающих высшие должности болит от морозу лоб, и слезы выступают в глазах, бедные титулярные советники иногда бывают беззащитны. Все спасение состоит в том, чтобы в тощенькой шинелишке перебежать как можно скорее пять-шесть улиц и потом натоптаться хорошенько ногами в швейцарской, пока не оттают таким образом все замерзнувшие на дороге способности и дарованья к должностным отправлениям»¹⁵.

«There exists in Petersburg a powerful foe of all who receive four hundred rubles salary a year, or thereabouts. This foe is no other than our Northern cold, although it is said to be very wholesome. At nine o'clock in the morning, at the very hour when the streets are filled with men bound for the departments, it begins to bestow such powerful and piercing nips on all noses impartially that the poor officials really do not know what to do with them. At the hour when the foreheads of even those who occupy exalted positions ache with the cold, and tears start to their eyes, the poor titular councilors are sometimes unprotected. Their only salvation lies in traversing as quickly as possible, in their thin little overcoats, five or six streets, and then warming their feet well in the porter's room, and so thawing all their talents and qualifications for official service, which had become frozen on the way» (Isabel F. Hapgood, перевод 1886 г.)¹⁶;

«In St Petersburg all those who draw a salary of four hundred rubles or thereabouts have a terrible enemy in our northern cold, although some assert that it is very good for the health. About nine o'clock in the morning, when the clerks of the various departments betake themselves to their offices, the cold nips their noses so vigorously that most of them are quite bewildered. If at this time even high officials so suffer from the severity of the cold in their own persons that the tears come into their eyes, what must be the sufferings of the titular councilors, whose means do not allow of their protecting themselves against the rigor of winter? When they have put on their light cloaks, they must hurry through five or six streets as rapidly as possible, and then in the porter's lodge warm themselves and wait till their frozen official faculties have thawed» (Claud Field, перевод 1916 г.)¹⁷;

«St. Petersburg harbors one terrible enemy of all those earning four hundred rubles a year – or thereabouts. This enemy is nothing else than our Northern frost, although some people say it is very good for the health. Between eight and nine in the morning, just when the streets are crowded with civil servants on their way to the office, it starts dealing out indiscriminately such sharp nips to noses of every description that the poor clerks just do not know where to put them.

At this time of day, when the foreheads of even important officials ache from the frost and tears well

up in their eyes, the humbler titular councilors are sometimes quite defenseless. Their only salvation lies in running the length of five and six streets in their sin, wretched little overcoats and then having a really good stamp in the lobby until their faculties and capacities for office work have thawed out» (Ronald Wilks, перевод 1972 г.)¹⁸;

«There exists in Petersburg a powerful enemy of everyone receiving four hundred rubles a year or thereabouts in salary. This enemy is none other than our Northern frost, although, by the way, they do say it's very healthy. From eight to nine in the morning, precisely at the hour when the streets are covered with those going to the department, it begins to give such hard and prickly flicks on all noses indiscriminately that the poor clerks positively don't know where to put them. At this time, when the foreheads of even those who occupy higher posts ache from the frost and tears come to their eyes, the poor titular councilors are sometimes defenseless. The only salvation consists in running five or six streets as fast as possible in a scraggy little overcoat and then stamping one's feet thoroughly in the cloakroom until, in this way, all frozen abilities and gifts for dispatching one's duty thaw out» (Priscilla Meyer, перевод 1979 г.)¹⁹;

«All those in St Petersburg who receive a salary of four hundred or thereabouts have one implacable enemy. This enemy is none other than our Northern frost, although you also hear it said that it is good for the health. At eight in the morning, the very hour when the streets fill with functionaries scurrying to their departments, it goes to work, administering sharp and stinging blows on their noses, which their wretched owners are quite unable to protect. At such times, when even those holding senior office feel the skin on their faces tighten with cold and tears spring to their eyes, the poor titular councilors are defenceless. Their only chance of survival is to dash four or five blocks at top speed in their thin, threadbare overcoats, until they reach the haven of the porter's lodge, where they stamp their feet until their frostbitten talents and clerky capabilities have thawed out» (Christopher English, перевод 1995 г.)²⁰;

«There exists in Petersburg a powerful enemy of all who earn a salary of four hundred roubles or thereabouts. This enemy is none other than our northern frost, though, incidentally, people say it is very healthful. Toward nine o'clock in the morning, precisely the hour when the streets are covered with people going to the offices, it starts dealing such strong and sharp flicks to all noses indiscriminately that the poor clerks decidedly do not know where to put them. At that time, when even those who occupy high positions have an ache in their foreheads from the cold and tears come to their eyes, poor titular councillors are sometimes defenseless. The whole of salvation consists in running as quickly as possible, in your skimpy overcoats, across five or six streets and then standing in the porter's lodge, stamping your feet and hand, thereby thawing out all your job-performing gifts and abilities, which had become frozen on the

way» (Richard Pevear/Larissa Volokhonsky, перевод 1998 г.)²¹.

Каждый из приведенных нами переводов заслуживает детального рассмотрения, поскольку соответствует необходимым словарно-грамматическим условиям. Возникает вопрос: эквивалентны и равноценны ли эти переводы, передают ли они ритм повествования, жанрово-стилистические нюансы, синтаксическую специфику оригинального текста, характер образов и эмоциональную напряженность? Как видим, общий смысл передается. Однако если в одних переводах сохранено композиционное положение фрагмента в одном абзаце и передача стилизации, несущей в себе важную стилистическую характеристику, весьма успешна, то в других переводах мы наблюдаем изменение синтаксического рисунка фрагмента, введение дополнительных слов или, наоборот, устранение художественной выразительности, эмоционально значимых и смысловых образований, что, безусловно, отдаляет перевод от оригинала, лишая его стилистической и эмоциональной окраски. Усложнение или упрощение исходного текста при переводе играет очень важную роль при передаче иронически окрашенных предложений, фраз, устойчивых или расщепленных фразеологизмов, авторских неологизмов, которыми так богата повесть «Шинель».

Выражение «*сильный враг*», описывающее петербургский мороз, в свете всеобщего авторского замысла имеет концептуальную значимость. Оно наделяет погоду сверхъестественной силой, мощью, несущей страдания и гибель маленькому чиновнику. В выборе прилагательного переводчики избирают разные варианты – *powerful, terrible, implacable*. По лексико-семантической наполненности не все использованные прилагательные соответствуют русскому слову «*сильный*». Они также имеют и разную эмоционально-экспрессивную окраску. «*Terrible*» (образованное от существительного «*terror*» («ужас, страх») и означающее «страшный, ужасный, внушающий страх, жуткий, неприятный, плохой») и «*implacable*» (неумолимый, безжалостный) могут вызвать у читателей неверные ассоциации, в то время как «*powerful*» (мощный, могущественный, влиятельный) сохраняет и смысловую, и лексическую, и стилистическую окраску. Следует заметить, что почти все переводчики, за исключением Изабелл Хэпгуд, используют существительное «*enemy*» (враг, недруг, противник, неприятель, *the Enemy* – это и дьявол, сатана), сохраняя художественную выразительность оригинального текста. «*Foe*» также означает «враг, недруг», но имеет лишь прямое значение.

«*Давать такие сильные и колючие щелчки без разбору по всем носам*» – авторский фразеологизм, в котором удивительным способом переплелись и образность, и красочность, и ироничность. Каким же образом переводчики переносят данное выражение в другую культуру,

удалось ли им дать английским и американским читателям почувствовать на себе всю суровость петербургской зимы? По нашему мнению, все переводы интересны, хотя не всегда эквиваленты со стилистической точки зрения. При передаче точность важна не только для сохранения игры слов, но и передачи особенностей гоголевского художественного мироощущения. В некоторых переводах мы обнаружили слова и выражения, не передающие эмоционально-экспрессивную окраску оригинала, что, несомненно, искажает общий смысл, меняет ритм повествования. Упрощение лексической, синтаксической и стилистической характеристики повести вносит логическую и эмоциональную напряженность, осложняет или, наоборот, упрощает текст. Ср.:

«it begins to bestow such powerful and piercing nips on all noses impartially» (Hapgood);
«the cold nips their noses so vigorously» (Field);
«it starts dealing out indiscriminately such sharp nips to noses» (Wilks);
«it begins to give such hard and prickly flicks on all noses indiscriminately» (Meyer);
«it goes to work, administering sharp and stinging blows on their noses» (English);
«it starts dealing such strong and sharp flicks to all noses indiscriminately» (Pevear/Volokhonsky).

Все предложенные варианты разнообразны. Однако в некоторых переводах присутствует значительное сокращение исходного высказывания и введение переводчиком слова, отсутствующего во фразе Гоголя – «*vigorously*» (Фильд); изменение синтаксического рисунка и неполный перевод выражения «сильные и колючие щелчки» (Уилкс). В переводе Инглиша очевидно отсутствие фразы «без разбора», а использование устойчивого выражения «*administer a blow*» (бить, ударять, наносить удар), несмотря на достаточно удачное соответствие «*sharp and stinging blows*» в целом, по иронической наполненности, эмоциональности далеко от оригинального высказывания. На наш взгляд, переводы, принадлежащие Хэпгуд, Мейер и Пиверу/Волохонской, где сохранен не только оригинальный синтаксис, но и даны соответствия сочетаниям «сильные и колючие щелчки», «без разбора», можно назвать переводческими удачами. Безусловно, «*to bestow such powerful and piercing nips on all noses impartially*», «*to give such hard and prickly flicks on all noses indiscriminately*», «*starts dealing such strong and sharp flicks to all noses indiscriminately*» не являются полными аналогами гоголевской фразы, но в них присутствуют и образность, и ироничность, и сочность гоголевского языка.

«Натопаться хорошенько ногами» в переводах Хэпгуд и Фильда представлены словосочетаниями «*warming their feet well*», «*warm themselves*», по своим стилистическим и эмоциональным окраскам отличающимися от оригинального. В обратном переводе они означают «согреть ноги», «согреться». В более поздних переводах данным

выражениям были найдены их эквиваленты, передающие если не разговорную, то, безусловно, смысловую сторону слова «натопаться»: «*and then stamping one's feet thoroughly*»; «*and then having a really good stamp*»; «*where they stamp their feet*»; «*stamping your feet and hand*». На наш взгляд, наиболее удачными вариантами являются переводы Мейер, Уилкса и Пивера/Волохонской. И хотя у Уилкса глагол «натопаться» преобразуется в существительное, задавая несколько иной ритм речи оригинала, слова «*really good*» превосходно дополняют картину. Пивер и Волохонская прибегают к использованию притяжательного местоимения «*your*», что в русском языке соответствовало бы глагольной частице *-ся*, а введенное слово «*hand*» (отсутствующее в оригинале) придает высказыванию своеобразие, приближает его к гоголевской фразе по своей стилистической остроте, ритмичности, речевой окраске.

«Пока не оттают таким образом все замерзнувшие на дороге способности и дарованья к должностным отправлениям» – авторский фразеологизм, в котором удивительным образом нашли свое воплощение и индивидуально-авторская манера повествования, и неповторимая лексика писателя, характеризующаяся богатством стилей, наличием канцелярской терминологии, искусно вплетенной в сюжетный ход. Ср.:

«so thawing all their talents and qualifications for official service, which had become frozen on the way» (Hapgood);

«till their frozen official faculties have thawed» (Field);

«until their faculties and capacities for office work have thawed out» (Wilks);

«until, in this way, all frozen abilities and gifts for dispatching one's duty thaw out» (Meyer);

«until their frostbitten talents and clerkly capabilities have thawed out» (English);

«thereby thawing out all your job-performing gifts and abilities, which had become frozen on the way» (Pevear/Volokhonsky).

Как мы видим из приведенных примеров, не всем переводчикам удалось сохранить синтаксический рисунок, что влечет за собой смещение смысловых акцентов и изменение ритма речи оригинала. Так мы наблюдаем значительное сокращение исходного текста у Фильда и упрощение фразы в переводе Уилкса и Инглиша. У Хэпгуд и Пивера с Волохонской причастие «замерзнувшие» заменено на придаточное предложение «*which had become frozen on the way*», которое отяготило и так богатый гоголевский слог. Несмотря на незначительное отступление, на наш взгляд, переводчиками последней версии найден очень удачный вариант перевода фразы «способности и дарованья к должностным отправлениям» – «*job-performing gifts and abilities*». В равной степени выражение «*frostbitten talents and clerkly capabilities*» у Инглиша можно считать переводческой удачей, хотя в «*clerkly capabilities*» (канцелярские способности,

возможности) не заложена экспрессивная задача, призванная настроить читателя на образность, необычность и ироничность гоголевской манеры повествования. «*Talents and qualifications for official service*» у Хэпгуд смещены в плоскость нейтральной стилистики. Найти «золотую середину» удалось Присцилле Мейер – несмотря на небольшое сокращение оригинального высказывания, она подобрала интересную замену – «*all frozen abilities and gifts for dispatching one's duty*», которая в обратном переводе идентична оригинальному выражению.

Рассуждая о стилевом своеобразии произведения, мы хотели бы отдельно остановиться на игре слов, авторских неологизмах, идиоматических выражениях, как закрепившихся в русском языке, так и «расщепленных» и творчески преобразованных Гоголем, просторечных или устаревших словах, имеющих ярко выраженную национальную окраску. Воссоздание неповторимого авторского стиля, исторических реалий, красочного детализированного описания общественной жизни и культурного быта России 1830–1840-х гг., ставит перед переводчиками очень сложную, но выполнимую задачу. Необычная манера повествования, расщепление и замена частей устойчивых сочетаний, создание собственных индивидуально-авторских фразеологических оборотов, невероятное сплетение кажущихся несовместимыми элементов в повести «Шинель» – все это поражающая воображение исследователей и читателей отличительная примета Гоголя. Англоязычные переводчики пробуют воссоздать все кажущиеся на первый взгляд разрозненными элементы, формирующие системы более высокого поэтического уровня, и их значимость принципиально важна в контексте всего словесно-образного произведения. Изменение эмоционально-стилистической характеристики авторских неологизмов, фразеологизмов, игры слова, просторечных и разговорных выражений, как правило, делает перевод неадекватным, лишает его национальной окраски. Переводчик стремится найти смысловое, экспрессивное и функционально-стилистическое соответствие оригиналу.

При анализе текста повести и ее англоязычных версий мы выяснили, что наибольшую трудность для перевода представляют следующие языковые средства:

– фразеологизмы, как закрепленные в языке, так и «расщепленные» Гоголем, и авторские неологизмы. Например, «на попятный двор», «точно как-будто его черт толкнул», «за Петровичем водилась блажь заломить черт знает какую непомерную цену», «над которым... натрунились и наострились вдоволь разные писатели», «попротерлось», «выисканное», «все заражено подражанием, всякий дразнит и корчит своего начальника», «благодаря великодушному всепомоществованию», «гибнут государственные постановления и священное имя его произносится

решительно всуе», «выслужил пряжку в петлицу, да нажил геморрой в поясницу», «моргнувши усом и испутивши какой-то особый голос», «затуманило в глазах и пошло биться в груди», «как-то привыкло и пошло на лад», «квартирный надует, пообещается и станет водить»;

– разговорные, просторечные слова – «скидавши башмак», «докука», «написавшись всласть», «шинель нужно будет снести Петровичу», «значительно сжавши губы», «она ни на какую годность не годится», «намолчавшись вдоволь и выкуривши сигарку», «чего лезешь в самое рыло, разве нет тебе трухтуару?»;

– канцелярская терминология и слова, относящиеся к чиновничьему, гражданскому и военному сословию, – государственные постановления, полк, департамент, канцелярий, титулярный советник, статский советник, столоначальник, капитан-исправник, чиновник, гвардейский солдат, генерал, будочник, частный, квартирный, писарь, коллежский регистратор, губернский секретарь, капельдинер, портной, крепостной;

– исторические и бытовые реалии, используемые для создания национального и социального колорита, – шинель, капот, вицмундир, чубук, серпанка, чепец, алебарда, гривенник, калоши, самовар, сани;

– имена, исторические и географические названия – Акакий Акакиевич Башмачкин, Григорий Петрович, Иван Иванович Ерошкин, Арина Семеновна Белобрюшкова, Русь, Петербург, Фальконетов монумент, Обухов мост.

Мы обратились к переводам, чтобы определить, какие методы использовали переводчики при перенесении художественного мира Гоголя в другое языковое пространство, в другую литературную культуру, удалось ли переводчикам заменить эти весьма любопытные выражения, обороты и словосочетания на соответствующие выражения в английском языке и сохранить степень комичности, абсурдности и алогичности, приблизиться к образности, разговорности, присущим оригинальному произведению. Остановимся на некоторых, наиболее знаменательных, примерах.

1. «...над которым... натрунились и наострились вдоволь разные писатели»:

«Over which some writers make merry and crack their jokes» (Hapgood);

«...one of those unfortunate beings who, as is well known, are made a butt of by various authors» (Field);

«He belong to the species...mocked and jeered by certain writers» (Wilks);

«About which various writers have japed and jibed their fill» (Meyer);

«Who are the butt of the jokes and mockery of many a writer» (English);

«At whom all sorts of writers have abundantly sneered and jeered» (Pevear/Volokhonsky).

2. «Квартирный надует, пообещается и станет водить»:

«For the captain would turn up his nose, promise well, and the matter there» (Hapgood);

«The inspector will put you off with fine words, and do nothing» (Field);

«As the local officer was sure to try and put one over on him, make all kinds of promises and lead him right up the garden path» (Wilks);

«That the local inspector would trick him, make promises and start leading him a merry chase» (Meyer);

«The sergeant would tell all sort of lies, make promises, and do nothing about it» (English);

«That the inspector would cheat him, make promises and then lead him by the nose» (Pevear/Volokhonsky).

3. «Так уж на святой Руси все заражено подражанием, всякий дразнит и корчит своего начальника»:

«In holy Russia, all thus contaminated with the love of imitation: each man imitates and copies his superior» (Hapgood);

«That is the way business is carried on in our Holy Russia. In the endeavour to resemble the higher officials, everyone imitates the manners of his superiors» (Field);

«In this Holy Russia of ours everything is infected by a mania for imitation, and everyone apes and mimics his superior» (Wilks);

«Thus in Holy Rus everything is infected by imitation, everyone emulates and simulates his superior» (Meyer);

«For such is the pass which Holy Russia has come: imitation is the order of the day and each man spends his time aping and mimicking his superiors» (English);

«Thus everything in Holy Russia is infected with imitation, and each one mimics and apes his superior» (Pevear/Volokhonsky).

Как видим, из шести переводчиков сохранить ритмическую, звуковую и интонационно-синтаксическую структуру предложений и передать своеобразный стиль Гоголя, индивидуально-авторскую манеру изложения лучше всех удалось П. Мейер, Р. Пиверу и Л. Волохонской. Конечно, общий смысл высказываний сохраняется и в других переводах, но гоголевская речь в версии И. Хэпгуд, К. Фильда, Р. Уилкса становится болеестройной, прозаичной, утрачивает ритмичность, смещается в плоскость нейтральной стилистики. Если версия Фильда представляет собой яркий пример вольного обращения с исходным текстом, то, несмотря на некоторые удачные переводческие находки, переводы Р. Уилкса и К. Инглиша характеризуются авторскими добавлениями, усложнением или упрощением высказываний и привнесением изменений в синтаксический рисунок повести, что, несомненно, нарушает смысловую цепочку и наносит урон художественной выразительности.

На наш взгляд, Мейер и Пивер/Волохонская приложили максимум усилий для сохранения семантической и лексической эквивалентности,

воспроизведения просторечия или устаревших слов, имеющих ярко выраженную национальную окраску, и, что самое главное, стилистической красочности, неповторимости и образности гоголевского слога. Опираясь на опыт своих предшественников и теоретические постулаты, сформулированные переводоведами, они стремятся сохранить смысл оригинала, его образность, красочность, ироничность и привлекательность, чтобы перевод читался так же легко и увлекательно, как и оригинальное произведение. Найти «золотую середину», под которой понимается тщательный отбор каждого отдельного слова, проработка синтаксической структуры, художественных образов и, что важнее всего, постижение общего настроения, – это становится главной переводческой задачей. Безусловно, передать все, содержащееся в оригинале, невозможно, но при учете таких важнейших факторов, как превосходное знание языка, умение интерпретировать все тончайшие языковые нюансы, стилевые особенности, постижение глубинного смысла, идеи и содержания, поможет сделать достойный эквивалентный перевод.

Переводчики переносят игру слов, авторские новообразования, фразеологизмы в другую культуру путем использования различных методов. Они подбирают идентичное по метафоричности, стилю, экспрессии, функции высказывание, прибегают к калькированию и другим способам, стремясь сохранить смысловую, стилистическую и функциональную адекватность, степень комичности, абсурдности и алогичности. Следует особо отметить, они также изобретают собственные неологизмы, по своему стиливому своеобразие не уступающие оригинальным высказываниям, дополняя их, внося новые компоненты, стремясь передать игру слов, стилистическую, эмоционально-экспрессивную, юмористическую или ироническую окраску, воссоздать образы и ситуации. Подобное внимательное и бережное отношение к тексту дает англоязычным читателям возможность приблизиться к оригиналу, самостоятельно интерпретировать написанное, проникнуть в художественный мир Гоголя.

Примечания

- 1 Казакова Т. Художественный перевод. Теория и практика. СПб., 2006. С. 4.
- 2 Федоров А. О художественном переводе. Работы 1920–1940-х годов. Филологический факультет СПбГУ. СПб., 2006. С. 102.
- 3 См.: Гарбовский Н. Теория перевода. М., 2003.
- 4 См.: Виноградов В. Введение в переводоведение (общие и лексические вопросы). М., 2001.
- 5 См.: Швейцер А. Теория перевода: Статус, проблемы, аспекты. М., 1988.
- 6 См.: Комиссаров В. Современное переводоведение. М., 2002.

- ⁷ См.: Halliday M.A.K. Comparison and Translation // Halliday M.A.K., McIntosh A., Strevens P. The Linguistic Sciences and Language Teaching. L., 1964.
- ⁸ См.: Catford J.A. Linguistic Theory of Translation. L., 1965.
- ⁹ См.: Newmark P. Approaches to Translation. Oxford, 1981.
- ¹⁰ См.: Nida E. Toward a Science of Translating. Leiden, 1964.
- ¹¹ См.: Bassnett-McGuire S. Translation Studies. Methuen, L.; N.Y., 1980.
- ¹² См.: Ross C.D. Translation and Similarity // Rose M.D. (ed.). «Translation Spectrum». Albany, 1981.
- ¹³ Nabokov V. The Art of Translation. Lectures on Russian Literature, ed. F. Bowers, N.Y.; L., 1981.
- ¹⁴ Чуковский К. Вина или беда // Лит. газ. 1963. 3 авг.
- ¹⁵ Гоголь Н. Полн. собр. соч.: в 14 т. М.; Л., 1937–1952. Т.3. С. 147.
- ¹⁶ Gogol N. The Overcoat and Other Short Stories. Dover Publications, Inc. N.Y., 1992. P. 83.
- ¹⁷ Gogol N. The Mantle and Other Stories. Freeport, N.Y., 1971. P.28.
- ¹⁸ Gogol N. Diary of a Madman and Other Stories. Harmondsworth, Middlesex: Penguin Classics, 1972. P. 146.
- ¹⁹ Gogol N. The Diary of a Madman and Other Stories. Signet Classics, 2005. P. 72–73.
- ²⁰ Gogol N. Plays and Petersburg Tales. Oxford, 1995. P. 120.
- ²¹ Gogol N. The Collected Tales of Nikolai Gogol. Vintage Classics, 1998. P. 399.

УДК 821.161.1.09+070 (47)

ОТРАЖЕНИЕ ПРОБЛЕМ ПРОВИНЦИИ В РУССКОЙ ЖУРНАЛИСТИКЕ И ЛИТЕРАТУРЕ XIX ВЕКА

Т.В. Карелова

Поволжская государственная социально-гуманитарная академия
E-mail: tanjuxa2186@mail.ru

В статье исследуются особенности отражения проблем провинции в русской литературе и журналистике XIX века, рассматриваются основные вопросы, связанные с данной тематикой.

Ключевые слова: провинция, тип провинциального города, образ провинциала, столица, художественная литература, отечественная журналистика.

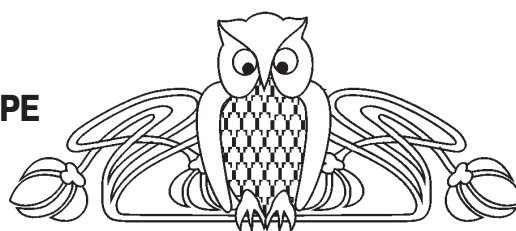
The Reflection of the Provinces Problems in the Russian Periodicals and Belles-lettres of the XIXth Century

T.V. Karelova

The article studies the peculiarities of how the provincial problems were reflected in the Russian journalism and belles-lettres in the XIXth century; the main questions within the scope of the present issue are also considered.

Key words: province, type of the provincial town, image of a provincial, belles-lettres, periodicals of our country.

В современном русском языке понятие «провинция» трудно поддается однозначному определению. Спектр связанных с ним культурных и исторических значений очень широк. Отечественные исследователи рассматривают понятие «провинция» с разных точек зрения. В. Каганский предлагает следующую формулировку: «Провинция – относительно самодостаточная зона системы культурных ландшафтов страны, удаленная от краев и крайностей; зона средняя во всех отношениях. Провинция – это то, что явно не центр и не периферия и располагается между ними в географическом и смысловом пространстве»¹. Однако

справедливо говорить о том, что в большинстве случаев, по замечанию А. Юдина, «провинция понимается как некое место или пространство, а точнее – совокупность мест (малых или больших городов), равно противопоставленная как центру, так и деревне»². Без обширной зрелой провинции как типа, значительной и существенной зоны культурного ландшафта не может быть полноценного пространства страны, не может быть состоявшегося зрелого государства.

Русская культура во все времена достаточно жестко противопоставляет столицу и провинцию. В русском культурном пространстве между столицей и провинцией образуется пусть не пропасть, но разрыв, который носит не только количественный, но и качественный характер: вне столицы даже время течет иначе. Общепринятым стало утверждение, что столица и провинция живут в разных временах: «Разрыв пространственный – и разрыв временной»³. С точки зрения типичного московского жителя, все, что не столица, – это уже провинция, а нестоличные города отличаются друг от друга лишь степенью провинциальности. Отметим, что такое геопанорамное представление сложилось исторически. Слово «провинция» – заимствованное; именно так, «провинциями», как пишет Е.А. Сайко, «называют в Древнем Риме подвластные территории, расположенные вне Италии и управляемые римскими наместниками»⁴. В Россию слово «провинция» попадает уже в конце XVII в. и в течение долгого времени остается официальным административным термином. Но с середины 70-х гг. XVIII в. административно-территориальное деление государства на провинции было отменено и слово, потеряв